

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ «Я — ДРУГОЙ» И ПОИСК НОВОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Только в коммуникации достигается та цель философии, в которой все цели находят свое последнее основание и смысл: внятия бытию, просветление любви, совершенство покоя.

К. Ясперс. Введение в философию

Философия с самых истоков своего возникновения оформлялась как рациональный способ миропонимания и мирообъяснения и претендовала тем самым на роль «глашатая и стража всеобщего разума» (А. Швейцер), что, несомненно, инициировало осмысление природы самой рациональности. Поэтому попытки ее экспликации мы встречаем еще в античности, связывая их с логосной концепцией Гераклита, эйдетической Платона, субстанциальной Аристотеля. Да и включение понятия рациональности в структуру философского языка связывают с античностью. С тех пор тема рациональности становится достаточно популярной в исследовательской практике, ее относят к сфере вечных философских проблем.

Проблема рациональности многоаспектна и многогранна, как об этом свидетельствуют работы как западных философов, например, Г. Башляра, Ж. Даррида, И. Лакатоса, Ж. Лиотара, П. Фейерабенда, Ю. Хабермаса, К. Хюнера и др., так и отечественных — Н. С. Автономовой, Б. С. Грязнова, М. К. Мамардашвили, А. Л. Никифорова, В. С. Степина, З. А. Сокулер, В. С. Швырева и др. Результатом дискуссий явилась экспликация трех парадигм в понимании рациональности — как разумности, соответствия нормативной методологии и социокультурной системе, в которой осуществляется деятельность. Современная западная философия связывает проблему рациональности с понятием научной рациональности. Классический идеал рациональности определяет такие парадигмальные характеристики рациональности, как «разумность»,

Минеева Анна Алексеевна — аспирант Белорусского государственного университета (Минск) (e-mail: mineevaanna@tut.by)

логичность, прогрессивность. Постепенное расширение представлений о рациональности приводит к ревизии традиционного образа научной рациональности.

В отечественной литературе благодаря работам М. К. Мамардашвили, В. С. Степина, Э. Ю. Соловьева, В. С. Швырева и др. обнаруживается противопоставление идеалов классической и неклассической рациональности, связанное со сменой картин мира. Причем в постнеклассическом подходе, учитывая то, что сейчас наука работает с новым типом объектов — объектами человекообразными, кардинальным образом изменяется взаимоотношение познавательных и ценностных установок. Не только новая предметность — «исторически развивающаяся человекомерная система» влияет на изменение указанного взаимоотношения, но в тоже время формируется «вынужденное понимание того, что строгой демаркации познавательных и ценностных предпосылок мы провести не можем»¹. В дополнение исследователи подчеркивают, что именно открытость в смысле постоянной критичности по отношению к своей позиции является необходимым элементом постнеклассической рациональности. То есть открытая постклассическая рациональность предполагает постоянную рефлексию науки над своими собственными основаниями.

Необходимо подчеркнуть, что противопоставление двух эпох — классики и современности, классики и постклассики (с различием в ней неклассического и постнеклассического периодов) и связанное с ним противостояние идеалов рациональности может охватить всю философскую традицию. На примере коммуникативно-теоретической модификации философской рациональности в концепции Ю. Хабермаса можно усмотреть социально-философские основания данного противостояния, поскольку речь идет о разных типах человеческой деятельности, обладающих особыми приоритетами, логиками, структурой — целерациональном и коммуникативном. Коммуникативное действие ориентировано на понимание своего социокультурного мира, открытия смыслов жизни в отличие от инструментального успеха как средства адаптации человека к миру и мира к человеку. Следовательно, фокус исследования, по Хабермасу, должен переместиться от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Здесь важно межличностное отношение, в которое вступают способные к общению и действию субъекты². Рациональность коммуникативного типа, транс-

формирующая различные формы институционального и культурного принуждения, пронизывает коммуникацию, способную высвободить потенциал коммуникативного действия, ориентированного на взаимопонимание, достижение рационального консенсуса как универсального согласия.

Тем самым Хабермас задает иное понимание философии как хранилища рациональности: она нацелена на воспроизведение интуитивного, дотеоретического знания участников коммуникации и этим способствует высвобождению потенциала рациональности. Реинтерпретация смыслов изменяет философский язык, должно имплицитно включать социальные контексты и вводить в свой лексикон релевантные понятия — «коммуникация», «интеракция», «интерсубъективность», «жизненный мир», «понимание», «смысл» и др. То есть в современной философии, конституирующейся в кросскультурном пространстве экзистенциальных, феноменологических, социально-критических, герменевтических, лингвистических практик, ориентированных на поиск новой рациональности, вышеперечисленные понятия приобретают особое значение, ибо задают иные схемы социального взаимодействия.

В качестве универсальной модели социального взаимодействия как атрибута бытия, благодаря которому совокупность индивидов превращается в реальную общность, может предстать модель «Я — Другой», исток которой — экзистенциально-феноменологическая онтология Гуссерля, где Я предстает прежде всего как трансцендентальное *ego* в структуре *ego — cogito — cogitatum*, познающее «в опыте мир вместе с сущими в нем “другими” и сообразно смыслу этого опыта, не в качестве, так сказать, своего собственного синтетического продукта, но как чуждой по отношению ко мне, интерсубъективный мир, существующий для каждого и доступный для каждого в своих объектах»³. Коммуникационная модель «Я — Другой» может обрести экзистенциальный оттенок. Так, в теологически окрашенной философии Карла Ясперса центральным предстает понятие «экзистенциальная коммуникация» как «коммуникация не только от рассудка к рассудку, от духа к духу, но и от экзистенции к экзистенции», преодолевающая «ненадежность всего мирового бытия», реализующаяся через восхождение к трансценденции.

Как в доинформационном обществе, так и в обществе информационном моделью организации социального взаимодействия может рассматриваться коммуникативное отношение «Я —

Другой». В социокультурной динамике, ориентированной на идеал информационного общества, которое сегодня квалифицируется как общество транзитивного типа, радикально меняется содержание социальных взаимоотношений под влиянием коммуникационных и «виртуальных» технологий. Коммуникационные и «виртуальные» технологии позволяют быть в центре событий, но они же и способны порождать отчуждение, самоизоляции людей, и как следствие — отсутствие непосредственного общения, ведь самореализация происходит не через другого человека, а посредством получили полностью обезличенного Другого. Это указывает на то, что обозначаются контуры нового типа социального взаимодействия, а это, в свою очередь, предполагает и новые исследования в сфере философского дискурса.

¹ См.: «Круглый стол» журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвященный обсуждению книги В.С. Степина «Теоретическое знание» // Вопросы философии. 2001. С. 20.

² *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1993. № 4.; Анализ данной концепции см.: *Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000.

³ *Гуссерль Э.* Картезианские размышления // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск; М., 2000. С. 436.